
Дарвинизм и отечественная война

Из цикла лекций, читанных в московских госпиталях (1941 — 1943)

Александр Федорович Котс

Как увязать учение Дарвина с очередными требованиями, запросами и нуждами нашей Великой Отечественной Войны?

Учения Дарвина и Великая Отечественная Война — как увязать эти два понятия?!

Как часто за истекший год мне приходилось встретиться с таким недоумением на лицах тех, к которым приходилось обращаться при приезде в Госпиталь на лекции.

В зависимости от того, с кем приходилось говорить, моя ответная реплика была различной.

Там, где возможно было бы рассчитывать на большее понимание — ответ мой принимал невольно протестующий оттенок. И я спрашивал: «Да как же Вы, товарищи, представляли себе работу Дарвиновского музея до войны?» Что же мы, бирюльками и пустяками занимались таким делом, оправдать которое возможно в пору мира, но которому нечего сказать в грозные дни войны? Ведь если так, если Музею нечего сказать в дни грозных испытаний, то имеется ли оправдание его существования и в обстановке мирного труда? Будь это так — я не смотря на свой 50-летний опыт на музейном фронте, бросил бы музейную работу, предпочел бы ей любое дело, более оправданное и полезное.

Напротив, там, где не имелось основания предполагать достаточного понимания, при встрече с лицами, с товарищами, которым имя Дарвина лишь мало или ничего не говорило — в этих случаях я прибегал к сравнению.

Я говорил: как в человеческом быту полезность, ценность дружбы проверяется в минуты жизненной невзгоды, так и ценность и значение научных достижений узнается всего лучше не в эпоху мирного труда страны, но в пору испытания и кризиса.

Товарищ, друг, хороший лишь в дни благополучия, но лишний и ненужный в дни жизненных невзгоды, — не заслуживает имени товарища и друга.

Достижения культуры и научные теории, которым нечего сказать в дни грозных испытаний Родины — такие достижения сомнительны и для эпохи мирного труда.

И применяя сказанное к Дарвинизму, нам не миновать дилеммы: либо Дарвинизм и музей, носящий имя Дарвина оправданы и в дни войны — либо сомнительно и спорно самое существование обоих вообще, при всяких обстоятельствах.

Не трудно видеть, что решение этой дилеммы будет целиком зависеть от того, как расшифруем мы значение Дарвинизма и работу посвященного ему музея, определение его **тематики, формы работы, потребителя и целевой конечной** установки.

Говоря иначе, от вопросов: «**Что?**» — «**Как?**» — «**Кому?**» и «**Для чего?**»

Начну с последнего вопроса, с выяснения ближайших целей и задач работы нашего музея. Останавливаться длительно на выяснении этого вопроса — не приходится: настолько ярко он очерчен был вчера в докладе А.Д. **Маневского**. Эти задачи, эти цели сводятся единственно к тому, чтобы помочь работе боевого тыла, а тем самым и работе боевого фронта, утвердить сознание обоих в правоте нашего дела и уверенность в победе над врагом... Эта — общая, священная формулировка, общая для всех музейев. Мы все сходимся на ней. Вопрос лишь в том, как провести эту формулировку в жизнь на основе «профиля» каждого данного музея?

Этот «профиль», этот тип работы определяется «**музейным потребителем**». Этот последний в дни войны для Дарвиновского Музея при работе его в Госпиталях, может быть распределен по трем различным категориям:

1-ая группа: обнимает медсестер, сиделок, санитарок вообще обслуживающий — младший преимущественно — медперсонал Госпиталей и Лазаретов.

2-ая группа: бойцы, больные или раненые, но находящиеся на пути к выздоровлению, «ходячие» — на языке госпитальной практики.

3-ая группа: тяжело-больные или раненые — категории «лежачих».

Таковы три группы наших «потребителей». И каждую из них мы попытались обслужить с учетом бытовых или профессиональных нужд.

1. Так, в отношении медсестер и вообще медперсонала — мы стараемся связать идеи Дарвинизма с требованиями Госпитальной практики.

Мы говорим: как невозможно уяснить себе учение Дарвина о постепенном и естественном происхождении живого мира, не усвоив основного положения Дарвинизма: личной изменяемости живых существ, — так основным условием успеха госпитальной практики надо считать умение видеть в каждом раненом или больном особый индивидуальный случай и необходимость применяться к каждому из них.

Конечно, общие манипуляции и процедуры при лечении родственных заболеваний или поражений будут часто сходны и порой тождественны.

И все же, как в живой природе в свете Дарвинизма **нет** двух совершенно одинаковых животных и растений, так и в совершенной Медицине — **нет** болезней сердца, легких или печени, но есть лишь легочные, почечные и сердечные больные. Что ни койка — то свое неповторимое в деталях состояние недуга, соответствующее различиям физического и психического склада, возраста и темперамента. Нет «вообще» больных, но есть неповторимые в своих страданиях и надеждах, горестях и упованиях т.т. Петровы, Николаевы, Ивановы....

Внесите же в обслуживание каждого больного то внимание к личному и строго индивидуальному, которое ученый-Дарвинист привносит в изучение каждого примера личной изменяемости у живых существ.

Возьмем вторую категорию, вторую группу «госпитальных потребителей». Я разумею — тяжело больных.

Я говорю им: Вы вернулись с фронта, но у Вас открылся новый «фронт» — и этот фронт — Ваша болезнь.

По учению нашего великого биолога-врача и дарвиниста **Мечникова** — каждая болезнь, каждое ранение в процессе заживления и выздоровления — есть борьба больного со своим недугом.

И борьбу эту мы понимаем в самом подлинном **буквальном смысле слова** — как борьбу, которая ведется в теле человека полчищами одноклеточных мельчайших организмов («фагоцитов») пересекающих и обезвреживающих зловредных ядовитых губительных «микробов».

От исхода этой невидимой внутренней борьбы — зависит исход болезни.

И ближайшая задача каждого врача, и каждого больного поддержать невидимых помощников, незримых истребителей микробов, поддержать «работу фагоцитов» — всеми мерами: физическими («облучением»), химическими (медикаментами) и... психическими (поддерживанием максимальной бодрости больного).

Как в борьбе на фронте для разгрома видимых врагов нужны помимо опытного руководства, мощного вооружения и умения пользоваться им, — отвага, мужество и полная уверенность в победе, так и при борьбе с невидимым врагом с микробом, требуется кроме знания врага, кроме наличия лечебных средств и должного ухода также и душевная, психическая бодрость, полная уверенность в себе и воля победить недуг во что бы то ни стало.

Переходим к Третьей группе наших слушателей, именно к бойцам, стоящим на пути к выздоровлению и имеющим вернуться к ратным подвигам на поле брани.

Каким образом связать для них учение Дарвина и боевое дело? Этим подлежащим выезду на фронт т.т. бойцам мы предлагаем ряд тематик, связанных практически и непосредственно с задачами и требованиями боевого фронта.

Например, такая тема: «Что полезно знать разведчику о поведении диких животных при естественных условиях в прифронтовом районе?» Мы перечисляем ряд животных и зверей и птиц, которые смотря по

поведению разведчика, являются на положении его врагов, его союзников. Описываем ряд животных и повадки их в тревоге, по которым можно догадаться о присутствии врага там, где он скрыт от человеческого глаза, подкрепляем эту пользу наблюдения за дикими животными прифронтовых районов рядом исторических примеров...

Из изложенного явствует, насколько мы при нашей лекционно-госпитальной практике пытались применяться к специальным интересам или требованиям наших «потребителей», медперсоналу и его профессиональным нуждам по отношению к тяжелобольным — всецело занятым борьбой с недугом, и бойцам, взоры которых вновь обращены на фронт...

И как менялось содержание лекций и упор на ту или иную тему, также изменялась форма и методика практического проведения.

В зависимости от состава слушателей — трудно больных или легко больных с обслуживающим их медперсоналом (преимущественно младшим) — лекционная работа либо выносилась в клубы, или комнаты для отдыха, либо всецело приурочивалась к палатам.

Клубные лекции — (собиравшие порой до полутысячи слушателей) и сопровождавшиеся то показом диапозитивов, то картин и вещных экспонатов — в отношении методическом лишь мало отличались от обычной лекционной практики, не заключая ничего особо-специфического, кроме того внутреннего пафоса, которым в дни войны пронизана вся жизнь и работа каждого из нас.

И тем уместнее остановиться на вопросе о доходчивости этих лекций.

Выезжая для подобных лекций в заводские клубы до войны нередко приходилось убеждаться, что такие лекции являлись чем-то привходящим для последующей программы вечера, включавшей то концертные выступления, то кино.

Вот почему, мы выступая лекторами в клубах до войны, обычно затруднились бы сказать, на чем центрируется внимание аудитории: на лекции. Кино-сеансе или на художественном выступлении артистов. Всего чаще создавалось убеждение, что акцент при составлении Программы приходился **не на лекцию**.

Тем интереснее отметить случаи, когда по окончании лекции, прочитанной на «боевые темы» в дни войны, часть слушателей, бойцов и служащих медперсонала Госпиталя стала расходиться не оставшись для прослушивания художественной части...

И, однако, как ни велико моральное удовлетворение для лектора после удачно проведенной массовой беседы в Клубе — несравненно более оправданы такие лекции в самих палатах при обслуживании тяжело-больных. Понятно, почему.

В отличие от раненых бойцов из категории «ходячих», в распоряжении которых есть различные пути или приемы развлечения (бильярд, чтение, шахматы и шашки, самое передвижение по коридорам или клубным помещениям) — программа развлечения трудно-больных бойцов из категории «лежачих» — несравненно более ограничена.

Естественно, что главное мое внимание и наибольшее к себе влечение вызывали именно «лежачие» больные. На обслуживании их я и хочу остановиться.

Проводилось оно в двух различных формах: либо при использовании фонаря с экраном для показа диапозитивов, либо с демонстрацией картин и вещных экспонатов.

Каждая из этих двух методик обладала отрицательными сторонами.

При показе диапозитивов — пользование сильной лампой фонаря (до 500 свечей) не требует сплошного затемнения палаты, но нервирует трудно-больных излишней яркостью.

При пользовании слабой лампой — приходилось затемнять все окна и приостанавливать в летнее время приток свежего воздуха.

Как это, так и трудность помещения экрана в поле зрения всех кожных больных — давало преимущество работе на свету при пользовании готовыми картинками или таблицами и вещными объемными экспонатами, не требовавшими затемнения Палаты.

Правда, что в работе этой мы в широкой мере были связаны с характером и содержанием нашей экспозиции. Музей наш почти вовсе не содержит копий, по преимуществу оригиналы, уникальные картины и рисунки, трудно и едва ли вообще восстанавливаемые.

Картины эти, при их бесконечных переносках по различным этажам или лазаретам — неизбежно портятся, страдают. Сам страдаешь, глядя на такую порчу их, но еще более страдаешь при одной лишь мысли от отказа пользования ими, видя как доходчиво они воспринимаются больными и при мысли, **чем** они, эти больные, жертвовали в свое время?

Из других особенностей госпитальной практики обслуживания бойцов в палатах — можно указать на следующие приемы: Кратковременность беседы, лаконизм речи, — длительность каждой лекции — не больше получаса. Если при обычной лекционной практике в Музее или Аудитории усталость, утомление слушателя говорит о неудаче лекции, то в госпитальной обстановке, при обслуживании трудно-больных в палатах, **утомление больного было бы «вредительством»**. Цель нашего прихода и общения с больным — поднять, повысить его бодрость и помочь ему психически переключиться и отвлечься временно от своего недуга...

Утомляя нашего больного — мы достигли бы обратного эффекта. Поэтому первейшее условие нашей работы в Госпитале — **ни** в малейшей степени не утомлять!

Другое требование: привлечение самих больных к возможно более активному участию в беседе лектора. Эта активность достигается не только задушевностью и простотою речи, но и особыми приемами беседы превращением ее там где возможно в задушенные «диалоги».

Так, приступая к моим лекциям бойцам, я оговариваюсь, что хотя в науке о животных и чувствую себя «хозяином» моей науки — но как в ней, так и особенно в вопросах боевого опыта (в которых я совсем не чувствую себя хозяином) я буду очень благодарен за малейшие поправки или указания товарищей, более опытных и сведующих, как профессионалов-практиков.

В итоге этих обращений мои лекции с бойцами принимают иногда характер любопытных диалогов и дебатов.

Вспоминаю такой случай. Я показываю серию картин для пояснения явления маскировки у животных, в частности картину, представляющую уголок тайги зимой, с типичными таежными животными и в частности медведем на переднем плане. Я подчеркиваю, что на фоне зимнего лесного пейзажа темная окраска бурого медведя не является ему помехой для искания добычи, не дисгармонирует с ландшафтом.

Неожиданно с одной из коек раздается голос: «Ох, не так! Зимой медведь в лесу не ходит! Он — в берлоге. Я — охотник, промышляя на севере Урала, верно говорю — медведь зимой в лесу не бродит, а в берлогу забивается до снега!»

«Верно — соглашаюсь я — зимой медведи вообще — то спят в берлоге, ну а если этого медведя незадолго перед тем вспугнул охотник, не убил, а только выгнал из берлоги?»

«Быть не может!» возражает мне мой оппонент: «мех у такого вспугнутого медведя будет не такой!»

«Ну — говорю я — а вообразим, что наш медведь так называемый „Шатун“, который вообще то не успел залечь в берлогу!»

«Тоже не выходит! У медведя-шатуна — мех не такой!»

«Ну — говорю я — а вообразим, что дело происходит не зимой, не поздней осенью, а более к весне, когда медведь уже проснулся после зимней спячки»...

«Нет» протестует мой оппонент — «снег на картине не весенний, не похож!».

И вот — дебаты развиваются к большому удовольствию и моему, и оппонента, и всех прочих обитателей палаты.

Или, поясняя те же лекции о «Маскировке у животных» я показываю ряд коробок застекленных, а насекомыми, похожими на листья или сучья. Обнося такими ящичками раненых бойцов по койкам я показываю это удивительное защитное сходство насекомых с неодошевленными предметами, и говорю:

«Вот мы сейчас посмотрим, у кого, какое зрение? Как окулисты-доктора, специалисты по глазным болезням — помощью приборов и таблиц определяют зоркость зрения, так мы сейчас проверим зрение каждого из вас. Вот посмотрите на коробку и скажите, сколько бабочек Вам удастся увидеть?»

Боец ближайшей койки тянет руку за коробкой и внимательно-настороженно вглядывается в пучки сухих ветвей и листьев с затерявшимися среди них животными. Пока боец глазами рыщет по коробке я, подмигивая его товарищам, стараюсь подзадоривать словами, говоря: «Вот мы сейчас увидим, как он справиться с задачей! Ох — промажет! Спуделяет! Ни по чем не разглядит! И вся палата — настораживается, объединенная в чувстве невинного злорадства, в ожидании неудачи.»

Но едва ли нужно говорить, что в случае последней я стараюсь тут же указать, что даже опытные местные охотники живущие на родине этих «живых сучков» и «странствующих листьев» или «невидимок-Бабочек» нередко затрудняются их распознать на самом близком расстоянии.

Наоборот, при верном узнавании — я спешу отметить, что профессиональный, зоркий глаз бойца легко не проведешь.

А в результате этих незатейливых, но дружеских бесед — а не односторонних лекций — удается завязать такие дружеские отношения с бойцами, что порой не хочешь покидать палаты и уходить из нее, сроднившись с ее временными обитателями.

Таковы главнейшие приемы наши при обслуживании больных и раненых бойцов в палатах или в клубной обстановке.

И теперь позвольте мне, оставив описание приемов и методик, перейти к более свойственному мне, как музейцу, языку наглядных образов и пояснить эти приемы в связанной картине.

Мысленно перенесемся в обстановку нашей подлинной работы с тяжело-больными. Я вхожу в палату, предварительно, заранее сложив у входа мой несложный реквизит: картины в красках на фанере, серию таблиц и легкий переносный сундучек с коробками и ящичками с насекомыми («Моей переносный подвижной идейный пулемет») как поясняю я входя к бойцам в палату.

Начинаю я с того, что представляюсь, сообщаю скромный свой музейный стаж, охватывающий добрые полвека. Тут же поясняю, что пришел я не за тем, чтобы читать сухие, скучные, академические лекции, не чтобы поразвлечь товарищей-бойцов. «Скучать Вы у меня не будете! — так заверяю я бойцов — и температуры Вашей я Вам не повышу!».

Попрошу Вас только — продолжаю я — забыть на некоторое время о том, что Вы в Москве и в Госпитале на такой-то улице. Мы с Вами приступает к путешествию, и я попрошу Вас обратить внимание на главнейшие из остановок.

Мы начнем с далекой Арктики, прославленной так относительно недавно подвигом «Папанинцев». Родное Заполярье: царство льда и снега и на фоне их сплошь белые животные: песцы и белые медведи.

Но спускаемся южнее: перед нами **Тундра**, — вечно мерзлые безлесные пространства, летом — моховые топи, а зимой — снежно пустыни. И как переменчива окраска тундр — также изменяется и цвет ее животных: летом темных, а зимой — белых.

Передвинемся еще южнее. Животные-обитатели Тайги — сплошного леса — темные и в продолжении зимы на фоне снега.

Новая картина — темная окраска сумеречных животных в подмосковной местности.

Еще южнее — блеклая окраска степи и подобная же тусклая окраска обитателей ее, степных животных.

Дальше к югу: глинистые желтые пустыни и животные под цвет песка.

Еще картина: царство камыша долины Инда или озера Балхаша и как будто закрепленные на шкуре тигра теневые полосы, бросаемые камышами.

Наконец, последняя картина, посвященная Дейлону, не случайно называемому англичанами «Зеленым Островом» — там обилие зеленых птиц и насекомых на никогда ниспадающей листве тропического леса.

Наше путешествие закончилось, и мы опять в Москве. Надеюсь Вы не утомились и температура Ваша не повысилась?

Какой же основной итог и вывод только что проделанного путешествия: Законы Маскировки или Защитной Окраски у животных. Но ведь те же самые законы применяются в военной практике! Законы единственного цветового сходства «деформации» и «копировки».

А каковы различия «животной» и «военной» маскировки? Там — в животном мире — бессознательное пользование ею, а у человек — планомернее, сознательнее! Но и там, и здесь польза окраски только относительная.

Белый заяц на фоне снега все же не вполне сливается с последним и на близком расстоянии — желтоватый. Но не то же ли с белым халатом зимней маскировки у бойца? — с белой крышкой или белым кузовом автомобиля? Как различно смотрится эта окраска в тусклые и солнечные дни, на близком и на дальнем расстоянии....

На почве этого сравнения животной и военной маскировки без труда завязывается у меня в палате оживленная беседа, при которой мы взаимно делимся нашими знаниями, нашим опытом бойцы — ссылаясь на свой личный опыт, в практике войны, — лектор-зоолог, опираясь на свой опыт, как музейца и бывшего полевого натуралиста.... Тут же делаются краткие экскурсии и в историю военной маскировки, указания на то, как некогда солдаты царской армии в летнюю пору неразумно одевались в белые рубахи, а зимой на фоне снега — в черные мундиры... как лишь постепенно маскировка утвердилась и в военной практике и доведенная до совершенства в нынешней войне спасала тысячи бойцов.

Заканчивая свою лекцию о маскировке, я нередко заключаю ее ссылкой на известное изречение наших союзников-англичан: «пренебрежение маскировкой — есть жестокая болезнь храбрости».

Вот в каком виде протекает у меня беседа, или лекция на тему о «Животной и Военной Маскировке», наиболее пригодная для тяжело-больных.

Другая тема — полна — исторического содержания: «**Животные и война в историческом обзоре**».

Как непредусмотренная основной тематикой нашего Музея эта тема потребовала специального оформления — написания соответствующих картин. Написанные маслом на фанере (в целях большей портативности) эти картины выполнены сотрудником Музея, К.К. **Флеровым**, — зоологом-художником, одним из наших выдающихся анималистов, обладающим громадным знанием животной формы и владеющим уверенным и ярким, выразительным «мазком».

«Роль и значение животных для войны разных народов и в различные эпохи». Ограничиться простым изображением этих животных в боевой или походной обстановке — значило бы подойти к трактовке чисто механически. Мы предпочли иной подход: «Диалектический», через показ того, как изменялось и сменялось пользование на войне различными животными на почве сложных и порой противоречащих друг другу связей и соотношений факторов экономических, технических и собственно психологического свойства, по принципу: «**Тезы**», «**Антитезы**» и их примиряющего «**Синтеза**».

Так, мы показываем, как «полу-живые танки Древнего Востока» — **боевые колесницы** — заменялись постепенно «танками живыми» в виде боевых **верблюдов и слонов**, и как удар последним снова нанесен был боевыми колесницами, но уже в несколько ином их оснащении.

Мы показываем, что несовершенная вначале конница античной Греции, так явно уступавшая персидской, будучи усовершенствована македонцами решала в ряде случаев победу их над персами; как явно пренебрежение конницей древними римлянами и спартанцами жестоко метило за себя в сражениях, и как обратно, македонские фаланги разбивались много раз о стойкость римский легионеров.

Мы прослеживаем далее, как менялся облик боевых коней в эпоху рыцарства, по мере окружения доспехами — коня и всадника, как снова облегчался вид коня, по мере столкновения с легким типом всадников Востока и усовершенствования огнестрельного оружия, как латы рыцарей сменили латы кирасиров, а тяжелых рыцарских коней — кони «Орлово-Растопчицы» нашей дореволюционной Армии, как, наконец, эти последние «живые танки» — кирасиры — заменились подлинными танками и конницей «универсального» маневренного типа — типа **Первой Конной Армии** и современной нашей кавалерией, вписавшей столько героических страниц в историю нашей Отечественной Войны.

Еще разительнее «диалектика» истории использования «боевой собаки».

Из душителя и палача, приученного гуннами к приканчиванию раненых на поле битвы, а испанцами к растерзыванию индейцев Мексики, собака на глазах у нас становится спасителем и другом раненых, служа помощником военных санитаров при отыскивании раненых бойцов и поставлении им продовольствия и медикаментов.

Или еще разительнее: от античных боевых собак, бросавшихся на конницу врага для вызывания смятения при ведении борьбы «на коротке», вплотную, (**Теза**) через временное устранение собаки как орудия боев. По мере «удлинения боевых дистанций» (**Антитеза**) и до привлечения собак к преследованию и зарыванию танков (**Синтез**) в дни нашей Великой Отечественной Войны!